

Только войдя в палату Яньло, Люцзин наконец понял, какую именно «передачу дел» имел в виду Яньгу.

Оказалось, что после того как предыдущий судья отправился в мир смертных для прохождения испытаний, Книгу Жизни и Смерти временно передали под начало Хухэ. Почему Яньгу умолчал об этом — Люцзин так и не сумел разгадать. Впрочем, стоило вспомнить холодный и неуживчивый нрав Хухэ, как всё становилось на свои места: владыка Яньгу, скорее всего, просто не хотел лишней неловкости между ними.

Люцзин впервые воочию созерцал настоящее чародейство. Хухэ просто раскрыл ладонь, в которой доселе ничего не было. Вспыхнул мягкий белый свет, и прямо из этого сияния соткался призрачный, излучающий слабое свечение фолиант. Самой книги не было видно отчетливо, но она казалась невероятно объёмной. Однако, когда Люцзин бережно принял её обеими руками, то не ощутил ни малейшего веса — словно в его ладонях покоилось невесомое светящееся облако.

— Это и есть Книга Жизни и Смерти, — бесстрастно, всё тем же ровным ледяным тоном заговорил Хухэ. — В ней отражается, чьи души должны забрать Черное и Белое Непостоянство, и кому пришёл срок расстаться с жизнью. Твоё дело — лишь подтвердить, что явившиеся сюда действительно мертвы.

Люцзин сейчас мало заботился о чужих причудах. То, о чём он грезил все последние дни, наконец лежало в его руках. Стоило лишь раскрыть Книгу — и он обретёт ответы на все свои вопросы. Он держал фолиант с величайшей осторожностью, боясь выронить драгоценную ношу.

Сидящий в резном кресле из ароматного сандала Яньгу пристально наблюдал за юношей. Он видел, как во взгляде Люцзина вспыхнула решимость, как лицо его мало-помалу заливала краска волнения.

— Не бойся, — мягко проговорил Яньгу. — Эта вещь наделена собственной духовной силой. Она не сбежит от тебя.

Среди всех чудес, что Люцзин повидал за эти полмесяца, Книга Жизни и Смерти определённо занимала почётное третье место по силе вызванного изумления. Подумать только: этот почти прозрачный, не имеющий чётких очертаний фолиант хранит в себе сведения о жизни и кончине каждого существа в подлунном мире!

Люцзин с благодарностью посмотрел на владыку Яньгу. Его успокаивающие слова пришлись как нельзя кстати.

Взглянув на Яньгу, Люцзин спросил с робкой надеждой:

— Могу я открыть её?

Тот с улыбкой кивнул.

Люцзин убрал левую руку, позволяя Книге покоем на правой ладони. Кончиками пальцев он коснулся верхнего края светящегося фолианта и осторожно, точно обычную бумажную книгу, приоткрыл его.

И в то же мгновение свершилось чудо. Из раскрытой Книги Жизни и Смерти вырвался луч ослепительного света, и прямо над призрачными страницами соткались светящиеся строки:

«Чэнь Цзяо, женщина, жительница Имперской столицы. Сорок пять лет. Скончалась от сердечного недуга в третий квартал часа Тигра семнадцатого дня первого лунного месяца...»

Следом шли имена ещё троих мужчин и одной женщины с подобными же жизнеописаниями.

Люцзин в изумлении поднял глаза на Яньгу.

— Это...

— Это те души, что вскоре придут в город, — с явным пренебрежением в голосе бросил Хухэ. Сказав это, он повернулся к владыке Яньгу и почтительно сложил руки в приветствии: — Господин, позвольте мне откланяться.

Яньгу благосклонно кивнул, и молодой господин Хухэ тотчас удалился.

В просторном зале воцарилась тишина. Люцзин, чей разум был целиком поглощён дивным фолиантом, даже не заметил пристального, изучающего взгляда Яньгу.

— Ты ведь хотел разузнать, отчего оборвалась твоя земная жизнь? — тихо произнес владыка. — Книга в твоих руках. Ищи своё имя.

Смятение и трепет заставили Люцзина отвести взор от Яньгу. Он вновь уставился на светящиеся страницы. Посмотрев в спокойные, похожие на тихую озерную гладь глаза господина, он ощутил, как в груди затеплилось странное, щемящее тепло.

Тем временем на Книге Жизни и Смерти начали проступать новые знаки. От их прочтения у Люцзина похолодело внутри:

«Люцзин... уроженец Имперской столицы. Скончался скоропостижно семнадцатого дня третьего месяца на тринадцатом году жизни».

Больше Книга ничего не сообщала.

Люцзину показалось, будто фолиант в его руках внезапно раскалился добела. Эти краткие, скупые строки таили в себе безжалостную правду. Тринадцать лет... Скоропостижная смерть...

«Какое же чудовищное злодеяние я совершил в своей прошлой жизни, раз Небеса уготовили мне столь ранний и внезапный конец?» — с горечью подумал Люцзин.

Яньгу протянул руку. словно повинуясь невидимому притяжению, Книга Жизни и Смерти мягко взмыла вверх и опустилась в его ладонь. Светящиеся иероглифы ещё не успели угаснуть.

— Скоропостижная смерть? — негромко прочитал Яньгу, и он едва заметно и самоиронично усмехнулся.

Этот тихий вздох заставил Люцзина почувствовать себя ещё более потерянным. Владыка Яньгу, не говоря ни слова, захлопнул фолиант и небрежным, но плавным движением отправил его обратно в руки юноши.

Мысли Люцзина спутались в тугой, неразрывный узел, из которого невозможно было выпутаться.

Яньгу выпрямился в своём кресле и устремил взор вдаль.

— Они идут.

Едва затих его голос, как со стороны массивных ворот палаты Яньло донёсся чистый, хрустальный перезвон ветряных колокольчиков. Двери с тяжким скрипом открылись, и внутрь, клубясь и расстилаясь по полу, хлынул густой сизый туман. Вслед за ним, ведя под конвоем троих мужчин и двух женщин, медленно и чинно проследовали Бычья голова и Лошадиная морда.

Туман дополз до подножия судейского стола и бесследно растаял. Из полумрака залы беззвучно соткались две шеренги призрачных посыльных грозного вида, вооружённых тяжёлыми дубинами. Люцзин мельком сосчитал их: по девять с каждой стороны, всего восемнадцать.

Призрачные посыльные подвели усопших к судейскому помосту и, почтительно склонив головы, в один голос доложили:

— Владыка, Судья! Бычья голова и Лошадиная морда прибыли для доклада.

Яньгу молча кивнул и принялся неторопливо перелистывать лежащий перед ним фолиант. Ровные, изящные строки иероглифов чётко выделялись на белой бумаге. Владыка впери́л в них свой бесстрастный взгляд, на его лице не отразилось ни единой эмоции.

— Чэнь Цзяо... — негромко произнёс он.

Люцзин проследил за его взглядом и невольно обомлел. Души умерших взирали на владыку Яньгу с таким неистовым, пылающим восторгом, что юноша невольно вздохнул.

«Надо же... Оказывается, и среди призраков полно любителей плотской красоты».

Упомянутая женщина так и просияла от радости. Её огромные, навывкате глаза округлились так, словно вот-вот готовы были вывалиться из орбит. Ей уже минуло сорок пять, однако она умудрилась заговорить таким приторным, манерным голоском, от которого у Люцзина мороз по коже продрал:

— Слушаю, великий владыка. Перед вами ничтожная раба Чэнь Цзяо.

— При жизни ты промышляла сватовством?

Услышав это, Чэнь Цзяо горделиво выпрямилась и кокетливым жестом поправила выбившуюся прядь у виска. На её лице отразилось неподдельное торжество — ещё бы, слава о её сватовстве докатилась до самого Подземного царства! Она и не подозревала, что каждое людское деяние предстаёт перед судьями без прикрас.

— Всё так, владыка! Ваша раба бралась за самые безнадёжные дела. Бывало, сватали тех, чья судьба грозила смертью супругам — а я всё едино находила им пару и связывала узами брака.

«Если так, то она совершила немало добрых дел. Верно, её ждёт счастливое перерождение», — простодушно рассудил Люцзин.

Владыка Яньгу, казалось, разделял его мысли. Он благосклонно кивнул и мягко проговорил:

— Твои заслуги мне ведомы, и они вызывают уважение. Известно, что ты могла черное выдать за белое, а белое обратить в красное. Очутись я в мире живых, непременно вручил бы тебе награду и нарёк «Первым золотым языком Поднебесной».

Поначалу усыпляющий, вкрадчивый тон владыки держал грешников в сладком заблуждении. Но едва они почуяли неладное, как самодовольная улыбка сползла с лица Чэнь Цзяо. Люцзин тоже напрягся, ощутив, как атмосфера в палате Яньло стремительно леденеет.

Взглянув на Яньгу, юноша поразился перемене: лицо владыки стало пугающе бесстрастным. От его следующего вопроса у присутствующих замерли сердца:

— Соединять людские сердца — удел благородный. Но ты преступила черту, потакая собственной корысти. Те несчастные, чьи судьбы несли гибель супругам, по закону Небес

должны были коротать свой век в одиночестве. Ты же из корысти насильно свела их, извратив предначертанное и обрекая на взаимное истребление. Души тех, кто безвременно сгинул из-за твоего лукавства, уже явились в мою обитель с жалобой. Что скажешь теперь? Готова ли ты держать ответ за содеянное?

Едва прозвучало последнее слово, как Чэнь Цзяо помертвела лицом. Ноги её подогнулись, и она с глухим стуком рухнула на колени, распластавшись по полу и заливаясь горькими слезами:

— Владыка, пощадите...

— Вижу, ты сознаёшь свою вину, — без тени жалости отрезал Яньгу. Его голос, спокойный и негромкий, дышал могильным холодом, заставляя трепетать всё живое и мёртвое. — Призрачный посыльный Ада вырывания языков, прими грешницу. При жизни Чэнь Цзяо была лжива и корыстна, что привело к гибели безвинных душ. Обрекаю её на пятьдесят лет мук в Аду вырывания языков, по истечении коих позволить ей перерождение.

Это был совершенно иной Яньгу. Не тот изнеженный, праздный владыка из терема Лунного Сияния, которого Люцзин встретил впервые. Сейчас пред ним предстал грозный, карающий судия, вершащий непреклонную волю Подземного царства.

Один из стражей по правую руку сделал шаг вперёд. На нём были белоснежные одежды с чёрным кушаком, волосы стянуты в высокий узел, а лицо пылало багровым пламенем.

— Слушаю и повинуюсь, — глухо проговорил он. Взмахом руки страж выпустил светящиеся призрачные путы, которые намертво скрутили рыдающую женщину.

Чэнь Цзяо окончательно обмякла, лишившись чувств.

Люцзин перевёл взгляд на безупречный профиль Яньгу. Тот сидел прямо, не выказывая ни гнева, ни радости.

— Фан Даю, — вновь раздался его ровный голос. — При жизни ты безжалостно терзал и губил бессловесных тварей. Ступай в Ад коровьей ямы. Наказую тебе претерпевать мучения в течение сотни лет, после чего возродиться в теле скота.

Теперь Яньгу являл собой истинное воплощение беспристрастного Янь-вана.

Люцзин подивился тому, как быстро и легко этот небожитель сбрасывает маску праздности, являя миру величие грозного божества. Юноша взмахнул кистью, смоченной в алой киновари, и вычеркнул имя осуждённого из свитка.

Определять посмертную участь грешников и провожать их к воротам преисподней — в этом и

заключался долг судьи.

Для Люцзина это был первый день в новой должности. Поначалу робевший и терявшийся при виде прибывающих призраков, к исходу дня он уже обвыкся и хладнокровно справлялся со своими обязанностями.

Когда в палате Яньло затеплились неугасимые светильники, дневные труды подошли к концу. В опустевшем зале остались лишь владыка Яньгу, Люцзин и двое безмолвных проводников — Черное и Белое Непостоянство.

Скрип отодвигаемого сандалового кресла вывел Люцзина из задумчивости. Вскинув голову, он встретился взглядом с Яньгу. Владыка вновь мягко и чарующе улыбнулся.

— Утомился за день? Поди, проголодался?

Услышав это, Люцзин только сейчас ощутил, как у него подвёл живот от голода.

— Владыка собирается отбыть в свои покои?

Яньгу неспешно спустился с помоста:

— А ты, выходит, желаешь продолжить труды?

— Разумеется, нет, — поспешил заверить его Люцзин. За этот бесконечный день он так намаялся на ногах, что готов был отдать всё на свете за жесткую циновку в своей ветхой хижине. — Дневных призраков мы рассудили. Но как быть с теми, кого досточтимые господа Непостоянства приведут ночью? Их разве не нужно судить?

Яньгу снисходительно улыбнулся его простоте:

— Даже в мире смертных судьи ночью спят. Что уж говорить о Подземном царстве. Если не случится ничего из ряда вон выходящего, ночные души подождут до утра.

— Вот оно как... — пробормотал Люцзин, дивясь строгому и мудрому порядку, царящему в Фэнду.

— Хухэ сказывал, вчера вы с Цзюцином потчевали господ Непостоянства вином? — как бы между прочим поинтересовался Яньгу.

Люцзин смущённо улыбнулся. Надо же, этот ледышка Хухэ успел донести владыке даже о такой мелочи!

— Цзюцин очень беспокоился, как бы я не доставил вам хлопот, — виновато проговорил юноша. — Вот и попросил господ Непостоянства присмотреть за мной.

При упоминании своих имён стоявшие поодаль Се Биань и Фань Уцзю замялись. Желая казаться страшно занятыми, они принялись с преувеличенным усердием оправлять друг другу одежды.

— Старина Седьмой, ну что ты за человек такой? — негромко, но весьма отчётливо проворчал Фань Уцзю, демонстративно разглаживая воротник Се Бианя. — Столько лет на службе, а до сих пор не научился прилично одеваться.

Шелковые одежды Белого Непостоянства и без того сидели безупречно, но Се Биань послушно замер, подыгрывая товарищу:

— На то мы и названные братья, чтобы ты приглядывал за моим платьем.

Яньгу прекрасно видел эти уловки, но лишь молча посмеивался про себя.

— Напрасно Цзюцин тревожился, — мягко произнёс владыка, глядя на Люцзина. — Я не боюсь хлопот, которые ты можешь мне доставить.

Стоявший рядом Фань Уцзю мысленно взмолился Небесам, разделяя безмолвный ужас своего названного брата. В глубине души оба проводника страстно желали, чтобы этот разговор поскорее закончился.

Люцзин искренне улыбнулся в ответ:

— Благодарю вас за великодушие, владыка. Ваша доброта не знает границ.

Яньгу заговорщически прищурился:

— Раз уж Цзюцин расщедрился на угощение ради твоего спокойствия, мне тоже негоже оставаться в стороне. Иначе обо мне ещё дурная слава пойдёт, будто я скряга какой.

Фань Уцзю помрачнел ещё сильнее, а Се Биань едва сдержал горестный вздох.

В этот миг простодушный Люцзин даже не догадывался, какая бездна изощрённого коварства скрывается за этой чарующей, благосклонной улыбкой Янь-вана.